

Разлука сближает сердца.

Когда Ли Цунцин проснулся, небо за окном уже стало черным, будто чернила, а Сун Юй в императорском кабинете не оказалось.

— Господин Ли, Вы проснулись, — заговорил подошедший к нему евнух Чжан.

— Где Император?

— Император отправился в Зал ТайПин (1), чтобы устроить прощальный пир в честь Правителя Турфана. Император приказал Вам ждать его в Зале Цзы Юнь(2).

— Я не хочу идти в Зал Цзы Юнь, — нахмурился Ли Цунцин.

Зал Цзы Юнь является личной резиденцией Императора, и Ли Цунцин никогда прежде не ступал туда и ногой. До этого он всегда тайком веселился с императором в Здании Тин Ся (3). Император и раньше хотел вызвать его в свою личную резиденцию, но он настойчиво отказывался туда ехать.

Зал Цзы Юнь является личной резиденцией Императора, и Ли Цунцин никогда прежде не ступал туда и ногой. До этого они с Императором проводили свои тайные встречи в Здании Тин Ся (3), где и веселились. Император и раньше хотел вызвать его в свою личную резиденцию, но он настойчиво отказывался туда ехать.

"Я не хочу спать там, где ты раньше спал с другими женщинами." — не смягчал своих слов Ли Цунцин. Он никогда не умел говорить эти поверхностные, культурные слова, и он вовсе не ничтожная замужняя женщина, идущая на компромиссы. Не упоминая о том, чтобы устроить истерику или сцену не имея на то причины. Это же так утомительно, он не стал бы этого делать, даже если бы наелся досыта и кто-нибудь поддержал его.

По своей природе он склонен к неторопливости, и он не любил соревноваться с людьми, но было бы ложью сказать, что он совершенно не ревновал. Он признавал, что не настолько великодушен, но он просто не желал беспокоиться, ревнуя ко всем прочим, и тем более не желал бороться со своими соперницами. Он понимал, что императору и так трудно быть императором; участие заднего дворца (4) в придворной политике и королевское происхождение нельзя легко упускать из виду, поэтому он никогда не просил его обожать его одного, но в то же время он не хотел становиться частью его заднего дворца.

— Этот раб просит господина Ли не усложнять ему жизнь, — сказал евнух Чжан, продолжив, — В течении многих лет Император не вызывал императорских наложниц в Зал Цзы Юнь, и никто из них там не появлялся. Он позвал только Вас.

— Господин Ли, прошу, не усложняйте жизнь этому рабу, — сказал евнух Чжан, продолжив, —

Император никогда не вызывал императорских наложниц в Зал Цзы Юнь, и они не оставались там в течение многих лет, теперь есть только Вы.

Их отношения можно считать публично подтвержденными, и нет никакой необходимости прятаться и скрываться, избегая чужих глаз и ушей. Император уже давно не вызывал императорских наложниц в свою резиденцию. У Ли Цунцина не было других причин отвергать это предложение, и он неохотно позволил евнуху Чжану отвести себя в зал Цзы Юнь.

В зале ему накрыли обильный ужин. Наевшись и напившись досыта, он хорошенько вымылся в купальном зале, предназначенном для императора, смыв с себя усталость от столь торопливого путешествия. И теперь он выглядел посвежевшим и бодрым.

Император еще не вернулся. В этой бесконечной скуке молодой евнух, прислуживавший ему, предложил свои услуги, рекомендовав себя (3):

— Господин Ли, этот раб может спеть несколько народных песен, чтобы облегчить Вам скуку. Ранее Император похвалил этого раба за хорошее пение.

— О, тогда спой немного. — оживился Ли Цунцин, удивляясь, когда Сун Юй начал любить слушать народные песни. — Спой те, что ты пел для Императора.

— Да. Господин, пожалуйста, послушай, — молодой евнух театрально откашлялся, изогнул горло и запел:

"Монарх и министр, подобно убывающей и растущей луне, ищут веселья и удовольствий;

Монарх и министр сошлись, счастливо удаляясь каждый вечер.;

Монарх и министр, молодые сердцем, вызывают улыбки у окружающих;

Десять утонченных сестер, мой возлюбленный министр;

Среди бесчисленных привязанностей; все еще готов петь песни пиона с тобой до старости." (4)

— Пфф — полный рот чая вылетел из его рта, обрызгав лицо молодого евнуха.

— Господин, разве этот раб плохо поет? — готов был расплакаться молодой евнух.

— Нет, все отлично, отлично, — сказал Ли Цунцин, криво улыбаясь. — Есть ли еще, тогда спой еще что-нибудь из этого.

Молодой евнух оживился, быстро вытер лицо рукавом, радостно поднял голову и изо всех сил снова запел одну песню за другой.

Интересно, это слишком интересно! Слушая и слушая, Ли Цунцин в конце концов согнулся пополам от радости, бесконечно смеясь, раскачиваясь туда-сюда и почти валясь от смеха. О боже, у создателей этих народных песен действительно очень дикое воображение! Хахаха-

Вступая в зал Цзы Юнь Сун Юй еще издали услышал звуки пения и смех Ли Цунцина. Ему не нужно было много думать, чтобы догадаться, почему тот смеется. Улыбаясь, он не дал дворцовой служанке объявить о своем прибытии и прошел прямо в свои личные покои.

Ли Цунцин сидел спиной к двери и не видел, вошедшего Императора. Молодой евнух внезапно прекратил пение и поспешно опустился на колени в знак приветствия.

— Редко можно услышать, чтобы ты смеялся так свободно.

— Ты вернулся. — сказал с улыбкой Ли Цунцин поворачиваясь, его глаза и брови изогнулись, являя собой картина очаровательности. — Сладки ли медовые дыни из Турфана?

— Не так сладки, как ты. — ответил Сун Юй подходя и обнимая его, целуя в щеки и губы, наклонив голову, он потерся носом о шею. — Ты хорошо пахнешь.

Ли Цунцин покраснел, прошло много времени с тех пор, как он обменивался со своим возлюбленным нежностями; невольно его тело начало нагреваться в предвкушении; внутренне он не мог не насмеяться над собой, похоть рождается из тепла и насыщения.

Дворцовые слуги тактично удалились, закрыв за собой двери дворца, оставив их одних.

— Цунцин, я скучал по тебе.

— Цунцин, мы скучали по тебе.

— Я тоже.

Не успели они договорить, как две пары губ мгновенно соединились в страстном поцелуе, кончики их языков переплелись в погоне друг за другом, как дождь после долгой засухи; их сердцебиение и дыхание стали прерывистыми и торопливыми.

Сун Юй больше не мог ждать. Он распахнул простую мантию, небрежно надетую Ли Цунцином, и протянул руку в поисках своего заднего двора (5). Он едва мог усидеть на месте в Зале Тай Пин, желая опрометью броситься назад; но пусть этот огонь рассеется, прежде чем говорить о чем-нибудь еще.

— Ох ... не надо ... не надо так торопиться... — Ли Цунцин схватил его за руку. Возможно, из-за того, что не испытывал удовольствия слишком долго, он вдруг почувствовал легкую робость, как будто это был его первый раз.

— Больше не могу ждать. — сказал Сун Юй стаскивая с себя одежду, потянув его к императорскому ложу, сделав два шага вместо трех, прижал обнаженного Ли Цунцина, обеими руками нетерпеливо потирая и лаская, почти как встревоженный извращенец. — Цунцин, Цунцин, время без тебя, день равнялся годами.

Когда он добрался до кровати, обычно строгий Сун Юй полностью переменялся, позволив желанию, подавляемое им в своем сердце, выплеснуться наружу. Некоторые говорят, что чем серьезнее человек выглядит, тем более диким он является внутри; он, вероятно, именно из таких людей, которых описывают "холодный снаружи, теплый внутри".

Ли Цунцин тоже долгое время сдерживался. Если его похоть, провоцировалась, то не могла быть остановлена; его лицо покраснелось опьяненным румянцем, а глаза затуманились слезами. Он послушно позволил Сун Юю раздвинуть ноги, раскрывая трепещущие лепестки хризантемы.

Спешка есть спешка, но Сун Юй все же не желал причинять ему боль. Подавив свое почти болезненное желание, он достал смазочный крем из потайного отделения в столбике кровати, набрал на пальцы побольше и вторгся в ямку цветка, который давно не получал удовольствия, размазывая по нему крем и расширяя его.

— Ох... — издал страдальческий стон человек под ним, с каждым движением пальца талия у него дрожала и подрагивала.

Сун Юй почувствовал, как его палец втянуло вглубь плоти и тепло внутри, от этого ощущения он так распух между ног он, что почти разрывался. Просить его вытерпеть еще больше было бы бесчеловечно; поэтому он вынул пальцы, еще шире раздвинул бедра Ли Цунцина, приподнял подол халата, вынул жесткий, торчащий жезл ян, положил его поверх скользкой хризантемы и хрипло произнес:

— Я вхожу, потерпи немного.

— Эх... — прикусив нижнюю губу, Ли Цунцин закрыл глаза в покорной, расслабленной позе, позволяя императору забрать его; огонь, горящий в нем, желая, чтобы он быстрее вошел.

Сун Юй протолкнулся внутрь, овладевая им дюйм за дюймом, а находясь на полпути, он внезапно выгнул спину и погрузился по самое основание.

— Ах! — закричав Ли Цунцин распахнув глаза, его возбужденное тело напряглось. Взор у него затуманился, а на глазах выступили слезы.

— Тебе очень больно? — Сун Юй навис над его телом, покрывая его легкими поцелуями, желая успокоить.

— Конечно, это больно. — сердито выпалил Ли Цунцин Глядя на него, — Почему бы тебе хоть раз не позволить мне проникнуть в тебя, тогда ты поймешь, больно это или нет.

— Несомненно, в следующий раз я позволю тебе проникнуть, — сказал Сун Юй с тихим смешком.

— А?! — Ли Цунцин удивленно посмотрел на него, он не ожидал, что высокопоставленный и величественный Император захочет позволить ему проникнуть внутрь? От этого неожиданного отвлечения его напряженное тело бессознательно расслабилось. — Ты действительно обещаешь?

— Конечно, — Сун Юй начал медленно двигать талией, — Но давай на этот раз обойдемся.

— Больно... мягче... ух... — зажмурившись, он вцепился в плечи нависшего над ним императора.

Поцеловав его в губы Сун Юй несколько раз медленно вошел и вышел, разминая его цветок, чтобы еще больше расслабить и смягчить, а затем внезапно увеличил силу и ускорил толчки.

— Эх... Ах... — вырвались сладкие, но болезненные стоны.

Сун Юй не хотел продлевать это, желая сначала достичь освобождения, и поэтому начал двигаться еще активнее, выходя быстрее и сильнее.

Когда Ли Цунцин почувствовал, что его удовольствие пересилило боль, Сун Юй достиг своего апогея, неудержимо орошая своим семенем дракона, которое долгое время копилась глубоко в его теле. Когда семя дракона наполнила Ли Цунцина, ощущение полного обладания им позволило Сун Юю почувствовать себя чрезвычайно удовлетворенным, как будто его драконе семя полностью пропитало тело под ним, до самых глубин.

Несмотря на то, что достиг кульминации, Сун Юй не покидал тела Ли Цунцина, приподнявшись на руках, чтобы наблюдать за ним сверху вниз, восхищаясь его обжигающим, но смущенным выражением похоти.

Желание Ли Цунцина все еще не получило своего выхода; он не мог не двигаться, молча призывая его продолжать, поднимая талию и ягодички к Сун Юю в приглашая его продолжить утех.

В уголках рта Сун Юй мелькнул намек на злобу. Он уже освободился один раз, и теперь у него есть все, чтобы медленно продолжать. Он нарочно входил и выходил, играя с ним, не исполняя

желания Ли Цунцина, и даже не снимая с него одежды.

Удовольствие Ли Цунцина, наполнявшее его на максимум, теперь совершенно исчезло; чувство зуда и желания в заднем дворе стало обновилось и усилилось; его желание настолько огромно, что он чувствовал себя умирающим, его поворот и извивание становились все труднее.

— Умоляй меня, — тихо произнес ему на ухо Сун Юй.

Ли Цунцин через силу приоткрыл глаза, упрямо кусая нижнюю губу, не желая издавать даже крошечных криков котенка, его упрямство, скрытое под поверхностью, побуждало к действию. Он не знал этого, но Сун Юю на самом деле нравился он нравился именно таким, когда он больше не казался отчужденным и невозмутимым.

У каждого имелась своя темная сторона, и великий и мудрый Его Величество Император не был исключением. В это время похороненное озорство Сун Юя также оказывалось раскопано и действовало только на тело Ли Цунцина, настойчиво дразня его, пока он не попросит, и только затем Сун Юй отпустит его.

Императорский стержень вышел из горячего и влажного узкого туннеля, потираясь у входа в сердце цветка. В то же время его пальцы пощипывали две красные сливы на груди Ли Цунцина.

— Умоляй меня, и я дам тебе это, — сказал он ему соблазнительным голосом лукаво, но нежно.

Фыркнув, Ли Цунцин упрямо на него уставился. Если ты не хочешь давать мне это, разве я не могу сделать это сам?

Протянув руку, он хотел взять свой эрегированный и твердый пенис, но внезапно на полпути его рука оказалась перехвачена.

— Он мой, никто не может прикоснуться к нему без разрешения, включая тебя. — Сун Юй слегка улыбнулся, развязал узел пояса своего халата и связал им запястья Ли Цунцина; потянув, он привязал их к столбику кровати, заставив Ли Цунцина поднять обе руки над головой.

— Ты... — от смущения Ли Цунцин был зол и смущен. Не то чтобы он не поступал с ним так раньше, но каждый раз это заставляло его чувствовать себя смущенным и... несравненно возбужденным...

Сун Юй лишь изредка его связывал, и только тогда, когда готовился "обожать" всю ночь. Боялся, что он сбежит? Или, может быть, кто-нибудь осмелится сказать, что могущественный и мудрый Его Величество Император, любивший свой народ так же сильно, как своих собственных детей, на самом деле имел скрытое желание садизма; а тем, кто способен

пробудить эту черту императора, во всем мире есть только Ли Цунцин. На самом деле Сун Юю хотелось заниматься этим до тех пор, пока ноги у него окажутся неспособными сомкнуться, пока он не начнет кричать и вопить...

Ли Цунцин заметил, что в глазах Сун Юй появился подозрительный блеск, и не смог удержаться от легкой дрожи. Хотя он знал, что Сун Юй не причинит ему вреда, то, что последует дальше, тоже будет не так уж приятно пережить.

— Отпусти меня! Я не буду тебя умолять! — Ли Цунцин изобразил на лице гнев; жаль, что его интенсивности оказалось недостаточно.

— Ладно, тогда не умоляй, я не стану тебя заставлять. — приподнял бровь Сун Юй и улыбнулся, разворачивая носовой платок. — Но я должен наказать тебя за то, что ты так долго оставался снаружи, из-за этого ожидания я весь извелся.

— Не завязывай мне глаз! — начал панически кричать Ли Цунцин, при виде происходящего; в следующую секунду он уже ничего не видел. Под влиянием темноты, из-за нервозности от потери зрения, остальные его чувства стали более чувствительными. Затем он услышав шорох трущейся друг о друга одежды - Сун Юй снимал с себя одежду.

Хотя он и не мог этого видеть, в его сознании ясно возник образ обнаженного тела Сун Юй; это тело, с которым он был знаком: широкие плечи, крепкая грудь, тонкая талия, гигантский королевский стержень... вообразив это, он почувствовал, что его кожа уже покрылась мелкими мурашками, а тело стало мягким и онемевшим.

— О чем ты думаешь?

Его ухо обдал теплый воздух, отчего кости Ли Цунцина размягчились.

— Мне это не нравится! — попытался он показать свое упрямство, но это высказывание не дало никаких результатов.

— Нет, тебе это нравится, я знаю.

— Я не... угх... — его голос был прерван пальцем, вторгшимся в его рот.

— Цунцин, я так соскучился по тебе, что почти уже бросил все, желая отправиться на твои поиски.

Пальцы покинули его рот, и взамен он накрыли его губы своими. Пока он кусал и облизывал губы и язык Ли Цунцина, пальцами он скользил вниз, следуя линиям его горла, делая круги на его теле. Пальцы кружили вокруг торчащих нежных сосков, нежно царапали его милый живот, избегая пульсирующего и дрожащего центра его удовольствия они свернули к чувствительной

коже внутренней стороны бедра.

— Эх... — вынужденный сдерживать стоны, Ли Цунцин мог только тяжело дышать, нахмурил брови.

Злой рот проследил путь пальцев, нежно целуя едва заметный шрам на плече, нежно покусывая ключицу, и спустился еще ниже, попробовав два маленьких розовых фрукта, лизнул его под чувствительной подмышкой, клеймя кожу изящными отметинами по всему пути. Он даже сосал пальцы ног один за другим, избегая члена, из которого уже начали вытекать прозрачные соки, и его пустую дырочку.

— Скучал по мне? Цунцин, ты думал обо мне, когда меня не было рядом?

— Ухх... Скучал... Я скучал по тебе....

— Ты скучал по мне так же, как я по тебе? — язык Сун Юй скользнул вверх по его икре, достигнув места соединения бедра и паха.

— Ух... — я не вынесу этого! Не вынесу! — Возьми меня... Быстрее возьми... — не выдержал Ли Цунцин замотав головой натягивая путы, связывающую его руки.

У Сун Ю всегда имелись способы заставить его потерять над собой контроль. Внезапно он взял в рот кончик непрерывно истекающего нефритового стержня и сильно пососал.

— Ах! — с удивленным возгласом, долго сдерживаемое желание Ли Цунцина мгновенно выплеснулось наружу, талия у него высоко выгнулась, и на мгновение застыла в воздухе, прежде чем снова тяжело упасть на кровать. Его тело бесконечно дрожало. Рухнув он выглядел так, будто бы умер.

Сун Ю проглотил густую сперму, выплеснувшуюся из него, сильный аромат дал ему знать о полугодовом воздержании Ли Цунцина.

— Ты такой молодец, ты все это перенес.

— Уф... ух — Ли Цунцин только и мог, что тяжело дышать, не в силах произнести ни слова.

После некоторой прелюдии и отдыха Сун Юй очень быстро восстановил свои силы; его жизненная сила вновь поднялась, и подняв ноги Ли Цунцина, он положил их себе на плечи, хладнокровно толкнулся в него. Поскольку предыдущий выброс семени дракона остался по большей части внутри, это позволило ему вонзиться полностью, похоронив себя до основания.

— Ах! — с очередным возгласом удивления Ли Цунцин подсознательно отпрянул назад, крепко

сжав гигантский предмет, ворвавшуюся в его тело.

— Ох... ты такой узкий... такой горячий... — удовлетворенно выдохнул Сун Юй, начав двигаться.

— Ух ... ух ... ах ... — кроме стонов, Ли Цунцин был способен только стонать еще громче.

Раньше он подавлял себя, не издавая громких звуков, но от сегодняшней экстремальной стимуляции сделала его рот свободным; его распутившийся цветок больше не болит, онемевшие и покалывающие электрические токи текли по его конечностям и костям; сильное удовольствие заставило кожу его головы покалывать.

— Громче, мне не хватает твоего голоса. — Сун Юй внезапно сильно вонзился в его тело, несколько раз ударив в самое чувствительное и нежное сердце цветка.

— Ах... ах... — раз так, то я буду кричать сколько захочу! — Ахахаха — ...

Сун Юй внезапно перевернул его лицом вниз, ухватился за талию и начал толкаться вглубь него еще сильнее, страстно бормоча:

— Цунцин ... Цунцин ... я не оставлю тебя в этой жизни, никогда ...

— Ах... не могу ... я уже не могу ... Ах ах ах ах ... — слезы Ли Цунцина наконец пролились, слюни тоже неудержимо просочились изо рта, отчего его лицо выглядело в полном беспорядке. Контрастируя с его обычно заурядными чертами лица, он внезапно стал очень красив и соблазнителен.

Прижавшись грудью к его спине, Сун Юй протянул руку и мягко схватил его за лицо и повернул к себе. Приблизившись, он впился поцелуем в его в губы, посасывая язык, но его нижняя часть тела не останавливала своего движения. Каждый толчок был тяжелым и жестким, как будто он хотел вонзиться в него, усиливая шум звуков отдышки и стонов, шлепками кожи друг о друга.

Неконтролируемое удовольствие вынуждало их сходить с ума.

— Ах! — закричал Сун Юй, и с очередным резким толчком он выпустил свое обжигающе горячее семя дракона, подрагивая снова и снова, немного разбрызгивая его. Затем он придавил тело Ли Цунцина, чувствуя дрожь кульминации человека под ним.

Оба они полностью вспотели, слившись друг с другом без каких-либо промежутков между ними, тяжело дыша.

Через некоторое время Ли Цунцин немного поборолся, недовольно пробормотав:

— Ты тяжелый.

Сун Юй покинул его тело, перевернулся и лег на бок, потянув Ли Цунцина за собой, позволив ему лечь сверху, чувствуя, как влага из нижней части вытекает на него.

— Развяжи ... руки ... больно ... — У Ли Цунцин больше не осталось сил даже говорить.

Сун Юй развязал перевязь, связывавшую его руки, и платок, закрывавший глаза, поднес покрасневшее запястье к губам и нежно поцеловал.

После преступления страсти Ли Цунцин стал еще более вялым, его глаза слабо открывались и закрывались, он вообще не двигался, только устало выдавил из себя:

— Воды.

Он слишком много кричал, и в горле у него пересохло, он охрип и испытывал дискомфорт. Вот почему он так ненавидел кричать, это очень утомительно!

Сун Юй самостоятельно поднялся с имперского ложа, налил ему чашу воды и стал поить его глоток за глотком. Напоив его, он отнес его на руках в купальню, сел вместе с ним в бассейн и принялся отмокать.

Теплая и уютная родниковая вода немного смягчила неловкость внутри. Ли Цунцин лениво лежал на императоре позади себя, наслаждаясь его нежными ласками, послушно позволяя Сун Юю вымыть пальцами свою опухшую хризантемку.

— Эх, это действительно пустая трата моего семени, если бы ты мог забеременеть, кто знает, сколько бы у тебя уже было детей. — с сожалением вздохнул Сун Юй.

— Если ты хочешь детей, то почему бы тебе не найти своих императорских наложниц? Ты можешь иметь столько, сколько захочешь. — лениво упрекнул он.

— Я уже давно не навещался в задний дворец.

— Это нехорошо, ты должен ходить туда почаще, в будущем тебе следует ходить в задний дворец каждый нечетный день и вызывать меня в четные дни, когда захочешь, — произнес он слова, которые расходились с желаниями его сердца.

— Хех, теперь ты беспокоишься о моем заднем дворце. — тихо рассмеялся Сун Юй.

Ли Цунцин хранил молчание на тот случай, если Сун Юй понял, насколько его это беспокоит. С беспомощным чувством ревности и горечи, подступившим к горлу, он заговорил только через некоторое время:

— Император понимает этого скромного чиновника. Этот скромный чиновник вообще не хочет беспокоиться о вашем заднем дворце.

Услышав, как он использует почтительное обращение, Сун Юй вздохнул и крепче обнял его.

— Не стану говорить таких слов, как "жаль, что ты не женщина, иначе я бы даровал тебе титул императрицы", я не жалею, что ты мужчина.

Волны эмоций прокатились по его сердцу. Ли Цунцин обернулся и, моргнув, насмешливо спросил:

— Тебе нравятся мужчины? Тогда следует ли принять во наложники больше мужчин?

— Мои мысли занимаешь лишь ты единственный. — произнес Сун Юй, с легкой улыбкой, целуя его яркие губы цвета весенних цветов. Эти уста, сколько бы он ни целовал их, оставались сладкими точно мед, сваренный в кувшине медового вина, просочившийся в центр его сердца – опьяняющая сладость.

Целуя и целуя, он не мог не начать ласкать тело Ли Цунцина.

Ни женской мягкости или вместительности, ни женской податливости, ни даже красивенького миленького личика, такого заурядного человека даже трудно описать, и все же Сын Неба Дашао, способного обладать любой красавицей в мире, не переставал тосковать по нему; это практически безумная любовь.

Желания вспыхнули вновь, а поцелуй углубился. Ладони Сун Юй разминали ягодицы Ли Цунцина.

Ли Цунцин, который уже дважды кончил, был бессилён сопротивляться и отказываться; когда его нефритовый стержень схватили и потеряли, он невольно начал дрожать; когда его свободную и расслабленную дырочку вновь начали растягивать, его дрожь усилилась, и он инстинктивно сжался, обернувшись вокруг пальца, который снова распалал его, глядя внутри чувствительных местечек.

— Мы так долго были вместе, но сколько бы раз мы это ни делали, ты все равно такой чувствительный, такой напряженный. — при этих словах Сун Юй лизнул и поцеловал его в ухо, перевернул его, усаживая его лицом к лицу. Придержав его за талию, он проник в его свежeweымытое тело.

случайно вспоминал об этих моментах, ему невольно хотелось задрожать, закрыть голову руками и закричать ---

"Ничего подобного больше не повторится!"

Отныне император и помощник Министра Обрядов вели приятную и веселую жизнь, это достойно торжества, достойно торжества.

(Цин: Как будто!)

"Разлука сближает сердца." — в оригинале - Небольшая разлука вновь творит молодоженов.

1. Доступа к китайскому у меня нет, но судя по пиньиню Taiping 太平 означает - великое спокойствие; благоденствие; спокойный, тихий, мирный, безмятежный. То есть Taiping Hall - Зал Благоденствия.

2. Zi Yun Hall это Зал Фиолетовых Облаков. Явлению фиолетовых облаков приписывают благоприятный признак

2. По версии анлейта Zi Yun это Фиолетовые Облака (紫雲). Но возможно в этом шутка автора, так как 紫雲 тоже читаются Zi Yun, что означает беременеть; плодиться; размножаться. То есть это зал в котором Император одаривал своей милостью наложниц.

3. Здание Тин Ся: - лит. слушать / улыбаться (архаично) /правление (архаично), летнее здание

4. Задний дворец - резиденция для супруг и наложниц императора.

3. Предлагал свои услуги, как это делал Мао Суй: идиома, означающая рекомендовать себя.

(4) Песня в ее первоначальном виде:

□□□□□□, □□□□□□

□□□□□□, □□□□

□□□□□□, □□□□□□□□

□□□□, □□□□□□

□□□□□□□□, □□□□□□□□□□

(5) Задний двор: □□ - эвфемизм для ... ну, вы знаете.

<http://bllate.org/book/15018/1327373>